Подписаться на новости Центра
Email:
Вперед

Последние новости
- Маргарита Скоморох «Miniatures. Ничто и нечто»
- Страшные сказки. Фольклорные сюжеты в компьютерных играх
- Алина Латыпова «Как попасть в Балмору? Перформативное картирование в компьютерных играх»
- Премия «Уровень сложности»: год пятый
- Круглый стол «Нужен ли Петербургу музей философии?»
- Маро Маленко «Добро пожаловать в Сити-17: хонтологический анализ Half-Life 2»
- Семинар «Пустота и экспонирование нематериальных объектов»
- Евгений Кузьмичев «256-часовая смена: к вопросу о фабриках в играх»

Партнеры
Международный журнал исследований культуры
Сетевое сообщество Российская культурология
Центр медиа-коммуникаций и визуальных исследований

Хельга Песколлер
(Инсбрук, Австрия)

профессор института педагогики университета Леопольда Франца, альпинистка. Сферы научных интересов: историческая антропология, эстетическое образование, междисциплинарные исследования экстремальных видов спорта. Доклад "Мгновения невозможной свободы" был представлен на международной научно-практической школе "Медиафилософия, медиатеория, медиапрактика" (20-23 мая 2010 г., Санкт-Петербург).

МГНОВЕНИЯ НЕВОЗМОЖНОЙ СВОБОДЫ

начинать

За чаем с домашней выпечкой и альпийскими сырами 85-летний летописец и архивариус горы Эйгер (Eiger) – Рудольф Руби из Гриндельвальда признается, что хотел бы пожить еще подольше только ради того, чтобы увидеть «полет» скалолазов[1] . Вершина Эйгера достигает высоты 3970 метров над уровнем моря и с 1934 года почти каждое восхождение регистрируется, но даже сама вершина не идет в сравнение с могущественной северной стеной горы Эйгер (Eigerwand). Эйгер вместе с вершинами Юнгфрау (Jungfrau) и Мёнх (Mönch) горного хребта Бернских Альп находится на территории швейцарского кантона Берн и в сентябре 1999 года входит в историю: беспрерывно в течении двух дней пара альпинистов осуществляет восхождение на его вершину. Анализ этого медиасобытия оправдал бы себя. Однако, в данном случае речь пойдет не о реалити-шоу и не о мифах или историях этого склона[2], все это послужит лишь декорацией для другого спектакля[3]. Эта «пьеса» была записана на видео, и стала материалом для моих размышлений о двух людях: Ханнесе Арче (Hannes Arch) и Ули Гегеншатц (Ueli Gegenschatz), которые совершили прыжок в глубины Эйгера[4]. Эта видеозапись появилась спустя год после события в октябре 2000 года, когда первый снег уже покрыл вершину и горные хребты.

Я следую за парой бейсджамперов при помощи образов[5] и вопросов[6], постановка вопроса такова: *О какой свободе здесь идет речь и в чем она проявляться*[7]? Предположим, что речь должна идти о такой свободе, ради которой оправдано идти на большой риск. Если это не так, то рассмотрение этого вопроса будет задано в заранее узких границах. Принимая это предположение, мы сталкиваемся с проблемой непосредственной передачи того, что испытывают люди, совершающие прыжок и это не только языковая, но и методологическая проблема, поэтому разработанные и применяемые в этих целях техники также должны стать частью рефлексии[8]. Тот факт, что этот опыт проживания интенсивен, подтверждают результаты подготовительных работ, и эту процедуру также надо принять во внимание. Предполагается, что в осуществлении этой интенсивности участвует тело с его способностью воспринимать, чувствовать и помнить и, следовательно, именно тело должно стать частью процедуры, предметом и методом исследования.

Экскурс: наблюдать и описывать.

Мой доклад начинается постановкой вопроса о теле и его участии в процессе познания, затем следует культурно-исторический обзор темы *полета в воздухе*; оба экскурса являются частью главы в которой речь идет о *свободном парении, приземлении и остановке*. Каждой фазе прыжка в порядке возрастания соответствует размышление о падении перед парением и прыжком перед падением. Так как прыжок представляет большую опасность, а действующие лица не стремятся к самоубийству, то, согласно тезису этого доклада, прыжок возможен только в том случае, когда чувства и состояние свободной воли, следующие за намерением и действием, включены в испытание.

прыгать

Прыжок является окончательным действием. Нельзя чуть-чуть прыгнуть или не прыгнуть. Поэтому, прежде чем двое подходят к краю и готовятся к прыжку, все уже заранее решено. Если бы они ждали до самого последнего момента, до точки после которой нет возврата, то было бы слишком поздно. С пересечением границы исчезает возможность для отступления; постепенно теряется равновесие и происходит падение. Опытные бейсеры знают об этой критической точке и не только представляют ее, но и активно концентрируются на ней, поэтому они не падают ничком вниз, а активно выпрыгивают наружу. Земля под ногами передает им дополнительный импульс уверенности, который необходим, чтобы занять правильное положение в воздухе. Более опытный спортсмен уже нашел правильную позицию, в то время как его коллега слева еще медлит.

Тем не менее оба используют один и тот же трюк, они считают про себя: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и перед нулем все уже должно быть отпущено. Имеется ввиду, что все мысли и сомнения должны быть приостановлены, а чувства настолько успокоены, что тело становится подобно автомату, который уже многократно осуществлял подобное действие. Борьба с волнением чувств — самое трудное, говорит прыгун справа, по сравнению с этим такие объективные опасности как высота, ветер и погодные условия кажутся мелочью.

Добровольно в пропасть прыгает тот, кто готов твердо оценивать и быть оцененным и не нагнетает заранее страх и неуверенность. Прыгун должен овладеть мастерством обработки чувств, чтобы принять единственно верное решение. Ни в коем случае, говорит один из бейсджамперов, нельзя допускать давления ни одно чувств: сопротивления, избегания или вытеснения.

Однако, разработкой подобных механизмов принятия решения озабочены не только эти двое спортсменов. Наверно, на вершине Эйгера эта тема кажется особенно актуальной, но за ней все же скрывается и более общая проблема повседневности, которая возникает в связи с моральным субъектом. Проблема морального субъекта заключается в вопросе о наличии инстанции, которая ответственна за обработку чувств, и без работы которой чувства выходят из под контроля. Если такая инстанция имеется, то станет возможным объяснить путь, который ведет к внутреннему спокойствию и уверенности.

И для того, чтобы найти ответ на этот вопрос, я покидаю сцену повседневности и обращаюсь к философии. Во введении к *Критике способности суждени*я Иммануил Кант (1724-1804) относит все формы познавательной способности, способность желания, чувства удовольствия и неудовольствия к «способности души в совокупности», далее он пишет: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне»[9]. Оба вида восприятия, восприятие нравственного закона и Космоса вызывают восхищение и трепет а, следовательно, сильные чувства, и делают это сходным образом, несмотря на то, что одно находится снаружи, а второе располагается глубоко внутри. В душе собираются противоположности, в ней соединяется два вида восприятия. Значение, которое Кант придавал душе весьма велико, однако, противоречие состоит в том, что он относит моральный субъект только к ителлигибельному миру и определяет его как инстанцию, которая создает нравственный закон из чистого разума. Моральный субъект, отделенный от чувственного опыта и восприятия встает перед вопросом, откуда он может получить знание о том, что долженствование вообще существует[10].

Обратимся к работам Блеза Паскаля (1623-1662)[11]. Математик и философ, он как и Кант говорит о существовании «места», где смешиваются все за и против опытных данных, причин и обоснований. Но, в отличии от кёнигсбержца, Паскаль полагает чувство как основной мотив нравственного действия, но не подчиняя его закону, который овладевает душой. *Логике чувств* Паскаль противопоставляет *логику разума*, при этом не предоставляя права преобладания последней. Если бы Паскаль мог стать бейсджампером, он как и современные прыгуны в меньшей степени полагался бы на *orde de la raison*, чем на *orde da coeur*.

Есть ли что-либо, что предшествует определенности и побуждает к утонченным расчетам? Бейсджампер отвечает спонтанно и говорит, что все зависит от однозначности ответа на простой вопрос *«должен я прыгнуть или нет?»*. Что это означает, что решает этот вопрос долженствования? Я постараюсь здесь продумать возможный ответ: вопрос должен ли я прыгать или нет предоставляет «материал» для рассмотрения как минимум с двух позиций. С одной стороны речь идет о прыгающем, который стоит на краю и окончательно должен для себя решить, чего он хочет и что он делает. С другой стороны это объяснение не должно быть принято без ознания того, что он умеет и что он может себе позволить. Но не только прыгающий принимает решение для себя одного, а также регулирующая система общества, которой он принадлежит и из которой он не может быть просто так исключен. Должен он прыгать или нет означает и то, кто и как его оценивает в случае если прыжок удался или нет. Если прыгающий срывается, то оценка других для него уже более ничего не значит. Хотя, в любом случае другие едва ли могут сыграть решающее значение, но все-таки их мнение важно на основе того факта как прыгающий сам себя допрашивает и оценивает. Получается, что прыгающий не зависит от других, при этом не являясь зависимым только от себя самого — и я ему верю, когда он говорит, что все зависит лишь от мгновенья, в которое внезапно воцаряется ясность. Даже когда эту ясность называют интуицией, то не совсем понятно как осуществляется это особенное мгновение. Уверена, что ему непременно предшествует вопрос долженствования и это мгновение указывает на одно из измерений свободы, которая в свою очередь, складывается из двух составляющих системы тончайших расчетов — взгляда вперед и взгляда назад. Если ясны все причины и ожидания, «замерена» конкретная ситуация на месте, а аргументы за и против прыжка взвешены как минимум два раза — с учетом голоса других и своего собственного — и при этом сохраняется четкое убеждение, что понимание этого не изменится — то только тогда возрастает шанс на осуществление мгновения, которое предоставит достаточную уверенность шагнуть вперед и прыгнуть. Если прыгающий и делает этот шаг, то только потому, что действует исходя из состояния наивысшего равновесия всех познавательных способностей и чувства спокойствия, которое это равновесие обеспечивает. Это возможно не всегда и не везде, и удастся ли обрести это спокойствие или нет – этого не может предугадать даже самый опытный из прыгунов.

Процессу принятия решения предшествует сложный механизм, который был воспроизведен здесь на примере бейсджамперов. Этот процесс в меньшей степени опирается на принципы морали и в большей степени на контекстно-ориентированную этику, исходя из которой, бейсджампер (которых в мире насчитывается около 500) не исключает чувства, а активно ими управляет. Когда он это делает, он также работает с еще одной проблемой, касающейся принятия свободной воли, которая проникнута желанием и тоской, и масштаб существования которой зависит от четкого осознания того, чем она обусловлена[12].

падать

Они оба спрыгнули и освободились от груза проблемы принятия решения. Камера изменила ракурс и теперь показывает бейсеров не сзади, а падающими с неба. Они видят друг друга и намечают возможность парить на воздушной массе[13], при этом переход от твердого к газообразному состоянию обоим удался не одинаково быстро. В то время как прыгун справа слегка пикирует и прорывается через воздух, второй слева уже широко раскинул руки, нашел положение равновесия и спокойно держится в воздухе. Найти себя в воздухе, означает занять стабильное положение и суметь ориентироваться в безвоздушном, разреженном пространстве. И в этой ситуации помогает слух. То, что замалчивают изображения в действительности было бы отчетливо слышно — это шум, который производят бейсджамперы. В те 2,3 секунды, которые они находится в воздухе, происходит ускорение около 180 км/ч и тот, кто когда-нибудь пробовал высунуть руку из окна автомобиля, движущегося с такой скоростью, поймет, что я имею ввиду. Сопротивление воздуха ощутимо на поверхности руки и его также хорошо слышно. Теперь представьте поверхность всего тела, незащищенного и стремительно летящего вниз. Сопротивление, которое испытывает тело в данный момент, сравнимо с тяжестью бетонного перекрытия. Что же тогда происходит когда джампер падает вниз испытывая такое сопротивление? Впрочем, прыгуны только и мечтают продлить эти моменты, чтобы лучше прочувствовать время падения. Для этих целей они даже сшили костюмы «летучих мышей», но это помогло им продлить падение не больше чем на мгновенье. Законы притяжения, высота и собственный вес — вот что определяет длительность падения, поэтому по словам одного из прыгунов, падение вниз по прямой вовсе не искусство, а чистое принуждение.

Где преобладает линия, там пресекается возможность опытов. Этот тезис созвучен размышлениям Фрэнсиса Бэкона (1561-1626), который различал два вида опыта, experementia vaga и experementia ordinata, причем последнему он с обоснованием отдает большее предпочтение, потому что этот вид опыта пресекает ненаправленные движения и действия вслепую[14]. Эксперимент появляется в виде опыта, который затем сводится к порядку проведения и оценке серий испытаний. Вид опыта experementia ordinata он присваевает не истории, а «уверенному ходу» философии, уравнивая науки и философию. Бэкон обосновывает свою новую «науку опыта» чтобы ограничить то, что может быть потенциально испытано и получить над этим власть. При этом он возвращается к девизу, который использовали королева Изабелла и Фердинанд при «освобождении» Испании от мавританцев и евреев: *Plus ultra*. Так был осуществлен выход испанских кораблей за пределы Гибралтарского пролива в открытый Океан для обретения нового влияния. Это была демонстрация силы влияния, которой владеет человек, если способен упорядочить вещи plus ultra и присвоить их в качестве опыта. Тогда как к Средневековью относился девиз non plus ultra, стирание этого non, позволяло действовать еще решительнее. Эту взаимосвязь я подчеркнула у Дитмара Кампера. Он соотносит настоящее с термином Ultra как таковым, учитывая при этом, что современность превышает все границы — обуславливает безграничность, которая в противовес исходным интенциям приводит к потере различий[15].

Но какое значение это имеет для бейсджамперов с Эйгера? Ну, хотя бы для демонстрации примера того, что здесь существует превышение границ. Бейсджампинг действует по типу Ultra, вот почему я беру его как смелую метафору 21 века.

По содержанию эти картины падения с Эйгера отражают экспериментальные действия и предъявляют самосознание современности. Два человека ставят опыты над собой, следуя при этом двойной структуре: они выполняют расчеты, готовятся к каждой неожиданности, строго придерживаются цели и разрабатывают план, от которого они снова и снова отклоняются в пользу нового поразительного приключения. Приключение находится между систематическим ограждением от опасности и прогрессией в неизвестное, на что указывал еще Фрэнсис Бэкон. Романист и литературовед Михаэль Нерлих занимался изучением современного отношения к «обществу риска» на примере Кретьена де Труа — выдающегося средневекового мастера куртуазного романа, период творчества которого относят к 1160-1190. Этот поэт предложил удивительно точное определение понятия приключения[16], поэтому Нерлих и решается утверждать, что категория приключения до сих пор была недооценена, хотя именно она, более чем другие формы мышления, способствовала необратимому обращению мира в современность[17]. Западноевропейский человек через приключение придает случаю наивысшую эстетическую форму. И это при том, что первоначально приключение упоминалось как способ спасения погибающего рыцарского сословия[18] и до сих пор остается гарантом непрерывности экспериментального действия, более того, оно заостряет вопрос о современных формах экспериментального существования.

опускаться

Между тем, оба нашли правильное положение и стабильно висят в воздухе. Скорость возросла и, вместе с тем, возросло трение тел. Состояние, когда воздух поддерживает тело со всех сторон позволяет чувствовать абсолютную свободу — говорит Ханнес Арх, и на вопрос, какое чувство сопровождает эту абсолютную свободу он отвечает без раздумий: это безмерная радость, которую нельзя описать, а также шок удивления от осознания того, что человек еще может испытать столько радости в этом мире.

*Экскурс 1: Наблюдать и описыват*ь

Что происходить после смены перспективы, как описать внутренние ощущения прыгающего со стороны, возможно ли «увидеть» его радость? Этому учинено множество препятствий: лица невозможно приблизить, фигуры вдалеке остаются маленькими, однако они что-то показывают и это меня завораживает. На вопрос откуда рождается это восхищение, я постараюсь дать ответ в этом параграфе.

Однажды человек поверил в театр, который стал «местом, где происходит нечто, достойное быть показанным»[19]. Если бы мы могли присутствовать на премьере, то уже само место — стена горы Эйгер, оказалась бы достойной показа. Однако, видеозапись превращает место – могущественную стену в кулисы, а на первый план выходят исполнители[20] . То, что в 17 веке олицетворяло понятие театра, сегодня относится к инсценировке.

Здесь речь идет о довольно молодом понятии – инсценировка, которое было заимствовано в 1837 Августом Левальдом из французского: инсценировка, «установка в сцену» подразумевает «драматическую постановку наглядно показанную для того, чтобы внешними средствами дополнить интенцию поэта и усилить воздействие драмы»[21]. Внешние средства дополнения и усиления относятся скорее к «постановке декораций» чем к «постановке жизненного»[22], следствием которой должно стать проявление «невидимого»[23]. Инсценировка является эстетической и антропологической категорией в том случае, когда она нацелена на творческий процесс, производящий культуру, где воображаемое, фиктивное и реальное каждый раз по-новому соотносятся друг с другом. И это становится возможным, так как согласно Хельмуту Плеснеру человек эксцентричен[24]. Способность человека отстранятся от самого себя, создает возможность, а также необходимость в инсценировке и может пониматься как непрерывная попытка самопредставления.

Как это происходит у бейсджамперов? Они ставят перед собой вопрос долженствования, а потом представляют камеру и даже вероятно взгляды любопытствующих из Гриндельвальда, но когда постановка закончена и остается лишь видеозапись, то с помощью своих воспоминаний они инсценируют опыт составленный по отголоскам опьяняющего переживания. Ханнес Арх спустя год после прыжка решил использовать эту возможность и передал мне копию своего видео со следующим комментарием: «здесь мало что можно увидеть, все происходит очень быстро — всего пара секунд и все закончилось».

Эту запись я просмотрела много раз, но что-либо разглядеть было действительно сложно, пока я не нашла подходящую для этого скорость. Для этой цели на 10% было увеличено время просмотра, а также убраны звук и цвет, чтобы лучше сконцентрироваться на самом прыжке. Первое действие направлено на рассмотрение представленных тел, последние на пространство, в котором эти тела передвигаются. Оба принципа, которые действуют во время наблюдения при замедлении или повторении фрагментов становятся еще более ощутимы и держат меня в постоянном напряжении. Чтобы убедиться в том, что это ощущение преследует не только меня, я показала это видео другим людям — и каждый раз этот эксперимент производил такой же эффект. Тела в приближении замедленного времени завораживали, не ускользая от взгляда дилетанта, эксперта или исследователя. Напряжение, которое они вызывают, должно быть связано с актом восприятия, которое непроизвольно «присоединяет» нас к этим телам. Это «присоединение» взаимосвязано с памятью тела, которая активирует восприятие. Так как едва ли кто-то может остаться незатронутым и может отстранить себя от внезапного воздействия этого изображения, то я определяю раздражающий фактор этих «ползущих» образов не как ошибку или недостаток, а напротив, как тему достойную исследования. Знание о «заражении» и его принятии открыло процесс, которой я называю описанием и было отражено в появившихся исследованиях о скалолазанье и альпинизме[25].Процесс описание, используя сокращение дистанции, исходит из того, что не существует мышления вне тела и прочных оснований по ту сторону образа, это приводит к осознанию того, что воздействие близости к телу и образам не только привлекает внимание, но также производит энергию и эта энергия становится движущей силой, частью и предметом этого процесса. Необходим подробный анализ, что бы сравнить ту энергию, которая возникает у зрителей при просмотре видеозаписи падающих с Эйгера тел и той энергией, которая исходит от одаренных актеров со сцены, о чем пишет Эрика Фишер-Лихте[26]. Хотя я не сомневаюсь в том, что оба эти варианта состоят в тесной взаимосвязи, и тут, и там энергия производится, течет и циркулирует, а затем воспринимается как событие, которое делает возможным опыт присутствия. Этот опыт ощутимого настоящего[27], свидетельствует о силе, которая исходит от других и затрагивает непосредственно каждого, когда мы ощущаем себя как воплощенный разум embodied mind[28]. Это ощущение не мешает исследовательскому процессу, а скорее провоцирует его и приводит к осознанию того, что в экстремальном спорте и в наблюдении или изучении этого вопроса нельзя допускать разделение тела с духом. По этой причине описание является этнографическим процессом, потому как работает в непосредственной близости к телам с их болезненной восприимчивостью к дуализму тело-дух и сталкивается с самоотчужденностью в собственномм теле, которая основывается на привычном разделение тела и духа. Ощутимая собственная отчужденность соотносится с запечатленной в образах отчужденностью других.

продолжать опускаться

Когда бейсджампер продолжает снижение, он просто опускается, не делая при этом лишних движений. Любое действие может разрушить это состояние абсолютной свободы. Я попытаюсь определить эту «абсолютную» свободу вместе с Жоржем Батаем, для которого она не стала величественным идеалом, но конкретным опытом и вызвала внезапное крушение тех модусов существования, которые обычно определяют обыденную жизнь людей. Конкретно проживаемая свобода скандальна и революционна, причем, я (еще) не зашла так далеко, чтобы утверждать, что бейсджампинг изменяет общество. Но я все-таки решаюсь предположить, что абсолютная свобода как радикальная практика общественных отношений, отражает также и позиции индивидов, и повторяясь в этом отражении прорабатывает особые позиции и и критику. Мое предположение идет еще дальше и затрагивает вслед за политическим гноссеологический импульс, которой также содержит в себе эта практика. Батай в размышлениях о гноссеологическом импулсе, настаивает на том, что изменению мышления, должно предшествовать экстатическое осознание возможного мира, который является просто тратой. Такое изменение проявляется в результате процесса разрушение механизмов власти, с которыми сцеплено мышление. Прежде чем начать критиковать современное общество, нужно попытаться критически отнестись к тем категориям, в которых отражается социальное — а это требует немалых усилий[29].

Если мы соотнесем требования Батая с высказываниям бейсджампера об абсолютной свободе и безмерной радости, то получается, что экстремальный спорт оказывается в подчинении у революционного, подрывного, субверсивного движения. Это движение призывает к удивлению, делает ставку на трату ради тела, чувств и, провоцируя моменты экстаза и опьянения, участвует в разрушении форм мышления, на которых покоится западноевропейская культура. Рита Бишоф, ссылаясь на Ницше и Батая, охарактеризовала это субверсивное движение, как понятие, относящееся к двум направлениям: к метафизике имманентности, которая прячется за поверхностью нерациональных феноменов и к политической теории тоталитарного господства[30].

В связи с этим, бейсджампинг мог бы действовать в качестве выборочного вторжения в застопорившиеся системы мышления и действия, не возводя при этом контрсистем. Вспомним, что первопричина радости состояла в том, что материя воздуха приходила в действие и «держала» тело прыгуна. Однако, так как действие не относится к порядку планирования, но к порядку последовательности[31], радость от прыжка не может быть следствием его воли или сознания, а только результатом доверия тому, чтобы отказаться от силы воли и сверхсознания мира, ради момента, распыляющего искры свободы и радости.

Экскурс 2: о полете в воздухе

Желание летать, как говориться, старо как мир, я точно не знаю, но должно быть оно очень древнее[32]. Сначала, когда мечта о полете была только мечтой, она не имела ничего общего с воздухом и его могуществом. В большей степени эта мечта была чистой фантазией и, следовательно, сам полет представлялся легким и безопасным. Чем смелее фантазия отрывалась от земли и стремительней улетала вперед, тем уверенней становились ее движения. Желание летать заложено, видимо, в самой природе человека. Хартмут Бёме выделяет мифические представления о богах, пророках, героях, которым приписывалась способность летать — как, например Гермесу, окрыленному посланцу богов или библейским пророкам, шаманам, факирам или волшебникам, которые могли летать под воздействием магических практик. Исключением является Икар, потому что его полет является уже техническим проектом[33]. Чтобы не описывать здесь весь долгий путь технической реализации и усовершенствования полетов, начатый еще во времена расцвета Кносса ок. 1500 до н.э. и до Отто Лилиенталя, отмечу, что основные мотивы различных представлений о полете всегда совпадали с идеей преодоления земного притяжения и давали некоторое представление о той силе, которая только и позволяет нам вообще все это себе представить. Речь идет о силе воображения. Нужно учитывать тот факт, что человек которому она принадлежит намного сложнее, чем каждый элемент, на который похожа сила воображения. Воздух определяется как окружающая землю газовая смесь или же как пневма, дым, дух, атмосфера, легкий ветер, свободное пространство или пространство между. Воздух — это невидимый элемент. Он непостижим и не дает никаких ориентиров. Возможно, это стало причиной тому, что Парацельс приравнял воздух к совершенному хаосу, позже из этого выражения Жан-Батист ван Хельмонт образует понятие «газ»[34].

Этим хаосом и окружены два опускающихся тела, оторванных от всего. Безусловно, в этом можно усмотреть что-то эстетическое, но также и что-то тревожное и, это прежде всего, то одинокое в себе, усиливаюшееся тем обстоятельством, что они спускаются вдвоем. Освободившись от всего кроме закона притяжения, они становятся абсолютно свободными, однако, в следствии этого и совершенно покинутыми. Их состояние можно назвать свободным и подавленным одновременно, но полет, вопреки давящим чувствам, не прерывается, он неизбежен. Кроме того, они не могут помочь друг друг, даже если захотят, каждый остается наедине с собой.

парить в воздухе

Сначала появляется один, затем второй, и оба, кажется парят в воздухе, как если бы они двигались через ничто. Они скользят взад-вперед и от этого странного прочеркивания воздуха у зрителя возникает эффект легкого головокружения. На какое-то мгновение все начинает кружится в голове, будто смешивая знание с незнанием, уверенность с неуверенность, представление с собственным опытом. В этой короткой сцене, если мы рассматриваем прыжок как метафору, показана парадоксальность взаимосвязи с миром: с одной стороны принадлежать миру и, все же, не сливаться с ним полностью. В модусе парения связь с миром таинственным образом остается нарушенной. Доходит до того, что в состоянии парения все кажется одновременно возможным: противостояние и сосуществование действительности и призрачности, правды и обмана, чувственности и рефлексии[35]. Это делает привлекательным состояние нерешительности, указывая на основу структуры человеческого существа и на хрупкость той свободы, которая может быть сохранена лишь ценой ее потери. Нерешенное стало бы нулем между двумя крайними точками: человек уже и еще ничего не решил. По-моему, эта формула проживания при антропологическом рассмотрении, соединяется с двойственностью человеческого, которое, согласно Эдгару Морину, проявляется там, где другое лицо homo demens внезапно перевоплощается в привычное нам серьезное, усердное и трудолюбивое лицо homo sapiens[36]. Этот момент, когда образ человека разумного сменяется образом дикаря, сопровождается легким помутнением, причиной которого является страх перед самим собой. Однако, это помутнение имеет и положительные стороны, так как в ходе этого мелькания образов и замутнения, изначальная ориентировка прекращает действие. Помутнение может читаться как моментальный снимок выхода за пределы, где действительность выражена также свободно и изменчиво[37], и потому уверенность не спешит подчинится восприятию, которое само воспринимает себя в условиях усиливающегося разрушения. Так восприятие находит свое начало как предупреждение об опасности и открывает последний доступ к действительности. Бейсджампинг в условиях очевидной потери действительности ставит себя непосредственно близко к смерти и иллюзии, осуществляя одновременно борьбу со смертью во имя спасения действительности, которая неожиданно обретает достоверность. Размышления над двойственным характером этой практики вмещаю движение и нерешительность, подобно тому как происходит парение в воздухе.

приземляться

Бейсджамперы больше не парят в воздухе, они приземляются и уже буквально 3 секунды отделяют их от удара с землей. Сейчас нельзя ничего перепутать или забыть, необходимо дернуть за кольцо и это действие четко отработано. Они оттягивают кольца правой рукой и это движение настолько стремительно, что даже замедленная съемка не позволяет разглядеть детали. Веревка вытянута, остальное происходит в голове. Сомнение в том что все было сделано правильно велико. Переходя из состояния самой чистой радости на границе с бессознательным в состояние свободного парения и нерешительности, прыгуны обретают невероятную трезвость и ясность сознания в момент ожидания того, как пройдет приземление. Во время этого ожидания происходит безудержное падение вниз. Это самый невыносимый момент в прыжке, говорит Ханнес Арч, он длиться всего полсекунды, но кажется вечностью. Прыгун с нетерпением ожидает короткого сильного толчка от раскрытия парашюта, и вся история повторяется сначала: сейчас нужно пережить с полным осознанием последствия собственного решения, которое было принято перед прыжком.

За мягкостью полета, снижения и парения следует трезвость и твердость, больше нет ощущения погружения или опьянения, есть только действительность, которая ничего не открывает и все показывает. Вокруг сплошные утраты: утрата тайны, дистанции и игры с иллюзией[38].

заканчивать

Все прошло хорошо, парашют раскрылся и счастливые они приземлились на лугу Гриндельвальда. Год спустя Ули Гегеншатц и Ханнес Арч совершили прыжок с Маттерхорна, который из-за меньшей высоты стены был гораздо короче, всего 4 секунды, тогда как на Эйгере он длился 11 секунд. Но для одного из прыгунов последний опыт оказался неудачным — мгновения испытываемой свободы были вытеснены реальность неизвестного[39].

Поставленный в начале вопрос, о том какая свобода возникает и каким образом она приводится в действие, находит ответ в признании того, что экстремальный спорт обещает ограниченную, хрупкую свободу, которая существует только в мгновение, которое ее производит и приводит в действие. Мгновение это одно из измерений свободы и оно зависит от места. Место обуславливает эти моменты свободы. Место определяется «свободной волей» и правильность этого выбора точно проверяется в действии. Это называется — самовоспитание, имеется ввиду достаточно сложный процесс, в котором свобода воли может быть применена только с целью обретения шанса на свободу: вопреки, с , и несмотря на риски.

Литература

- Adamowsky, Natascha, Flugsehnsucht – Himmelsparadiese im Diesseits. Technische und ekstatsiche Fluglinien in der Moderne. IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Rausch Sucht Ekstase. Band 13 (2004), Heft 2, 81-93
- Anker, Daniel, Eiger. Die vertikale Arena. AS Verlag: Zürich 1998
- Bataille, Georges, Der verfemte Teil. in: Die Aufhebung der Ökonomie. Hgg. von G. Bergfleth. München 1985, 33-234
- Baudrillard, Jean, Die fatalen Strategien. Matthes & Seitz: München 1985
- Bette, Karl-Heinrich, X-treme. Zur Soziologie des Abenteuer- und Extremsports. Transcript: Bielefeld 2004
- Bieri, Peter, das Handwerk der Freiheit. Über die Entdeckung des eigenen Willens. Hanser: München/Wien 2001
- Bilstein, Johannes/Miller-Kipp, Gisela/Wulf, Christoph (Hg.), Transformationen der Zeit. Erziehungswissenschaftliche Studien zur Chronotopologie. Beltz: Weinheim 1999
- Bilstein, Johannes/Liebau, Eckart/Zirfas, Jörg (Hg.), Menschenbilder. Bilanz und Perspektiven der Pädagogischen Anthropologie. Beltz: Weinheim/Basel 2007 (in Druck)
- Böhme, Gernot/Böhme, Hartmut, Das Andere der Vernunft. Zur Entwicklung von Rationalitätsstrukturen Am Beispiel Kants. Suhrkamp: FaM 1992
- Böhme, Gernot/Böhme, Hartmut, Feuer Wasser Erde Luft. Eine Kulturgeschichte der Elemente. C.H.Beck: München 1996
- Böhme, Hartmut, Das Steinerne. Anmerkungen zur Theorie des Erhabenen aus dem Blick des „Menschenfernsten", in: Pries 1989, 119-141
- Egner, Heike/ Kleinhans, Matthias, Trend- und Natursportarten – Ein Strukturierungsversuch. In: Escher 2000, 55-68
- Escher, Anton/Egner, Heike/Kleinhans, Matthias, Trend- und Natursportarten in den Wissenschaften: Forschungsstand – Methoden – Perspektiven". Czwalina: Hamburg 2000
- „Eiger – B.A.S.E.", Video von und mit Hannes Arch, 2000, Farbe, 2 Min. >www.redbull-acroteam.com<
- Fischer – Lichte, Elisabeth, Inszenierung und Theatralität. in: Willems, Herbert / Jurga, Martin (Hg.), Inszenierungsgesellschaft. Ein einführendes Handbuch. Westdeutscher Verlag: Opladen/Wies-baden 1998, 81-90
- Holzner, Johann/Walde. Elisabeth (Hg.), Brüche und Brücken. Kulturtransfer im Alpenraum von der Steinzeit bis zur Gegenwart. Aufsätze. Essays. Folio:Wien/Bozen 2005
- Jullien, François, Über die Wirksamkeit. Merve: Berlin 1999
- Kambartel, Friedrich, Erfahrung und Struktur. Bausteine zu einer Kritik des Empirismus und Formalismus. Suhrkamp: FaM 1968
- Kamper, Dietmar (Hg:), Über die Wünsche. Ein Versuch zur Archäologie der Subjektivität. Hanser: München/Wien 1977
- Kamper, Dietmar/Wulf Christoph (Hg.), Das Schwinden der Sinne. edition suhrkamp: FaM 1984
- Kamper, Dietmar, Abgang vom Kreuz. Fink: München 1996
- Kamper, Dietmar, „Ultra". IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Jenseits. Band 7 (!998) Heft 2, 266-277
- Kamper, Dietmar, Erinnern, Wiederholen, Durcharbeiten: Über prähistorische Wahrnehmungsmuster in einer Ästhetik der Posthistorie. in: Die Aktualität des Ästhetischen. Hgg. von Welsch 1993, 329-341
- Kant, Immanuel, Kritik der praktischen Vernunft. Kants Gesammelte Schriften ab 1902. Band V. Akademie-Textausgabe: Berlin 1968
- Katschnig-Fasch, Elisabeth/Huber, Cécile/Niegelhell, Anita/Schaller-Steidl, Roberta. Einsamkeiten. Orte, Verhältnisse, Erfahrungen, Figuren. Turia + Kant: Wien 2001
- Liebau, Eckart/ Peskoller, Helga/Wulf, Christoph (Hg.), Natur. Pädagogisch-anthropologische Perspektiven. Beltz: Weinheim/ Basel/ Berlin 2003
- Meier-Seethaler, Carola, Gefühl und Urteilskraft. Ein Plädoyer für die emotionale Vernunft. C.H.Beck: München 20013
- Morin, Edgar, Das Rätsel des Humanen. Grundfragen einer neuen Anthropologie. Piper: München/Zürich 1974
- Nerlich, Michael, Abenteuer oder das verlorene Selbstverständnis der Moderne. Akademie Gerling Verlag: Berlin 1997
- Peskoller, Helga (a), 8000 – Ein Bericht aus großer Höhe. IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Jenseits. Band 7 (1998), Heft 2, 228-240
- Peskoller, Helga (b), „unfassbar und doch wirklich". Grundzüge eines anderen Wissens von Menschen. In: Berg 99. Alpenvereinsjahrbuch. München 1998, 241-248
- Peskoller, Helga (a), BergDenken. Eine Kulturgeschichte der Höhe. Eichbauer: Wien 19993 (1. Aufl. 1997)
- Peskoller, Helga (b), Siebzehn Stunden. Eine Studie zur Qualität von Zeit. in: Bilstein/Miller-Kipp/Wulf 1999, 310-325
- Peskoller, Helga (c), Körper bilden. in: Differenz. Ausstellungskatalog Nr. 12. Hgg. von Christoph Bertsch u.a. Innsbruck 1999, 51-61
- Peskoller, Helga, 1 cm – Zur Grenze der Beweglichkeit. IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Metaphern des Unmöglichen. Band 9 (2000), Heft 1, 107-116
- Peskoller, Helga (a), Bergeinsamkeit. Vom Wunsch zur Angst des Scheiterns. in: Katschnig-Fasch/Huber/Niegelhell/Schaller-Steidl 2001, 29-52
- Peskoller, Helga (b), extrem. in: Dies., extrem. Böhlau: Wien/Köln/Weimar 2001
- Peskoller, Helga, 1800 – Wendungen des Erhabenen. in: Schöne Aussicht/Bella Vista. Der Blick auf die Berge von Segantini bis Weinberger. Ausstellungskatalog kunstMeran (14.11.2002 – 9.3.2003), Folio: Wien/Bozen 2002, 140-165
- Peskoller, Helga (a), Wider die Vernunft. in: Liebau/Peskoller/ Wulf 2003, 51-56
- Peskoller, Helga (b) Wand-Bild. in: Das Unsichtbare sichtbar machen. Bildungsprozesse und Subjektgenese durch Bilder und Geschichten. Hgg. von Volker Fröhlich und Ursula Stenger. Juventa: Weinheim/München 2003
- Peskoller, Helga (c), Eiger-B.A.S.E. Das Theater der Freiheit. in: Sport Inszenierung Ereignis Kunst. Tagungsband der Muthesius-Hochschule Kiel 2003, 56-63
- Peskoller, Helga (a), Abstieg und Rückkehr. Das Animalische religiöser Erfahrung als Blickgeschehen. in: Wulf/Macha/Liebau 2004, 370-381
- Peskoller, Helga (b), Matterhorn. Übungen für Erwachsene. DGfE Kongress Bildung über die Lebenszeit, Zürich 2004
- Peskoller, Helga (c), Anatomie der Nüchternheit. IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Rausch Sucht Ekstase. Band 13 (2004), Heft 2, 70-80
- Peskoller, Helga (a), Der Sprung. in: Bilstein/Winzen/Wulf 2005, 209-216
- Peskoller, Helga (b), Berge als Erfahrungs- und Experimentierraum. Bildungstheoretische und anthropologische Aspekte. in: Holzner/Walde 2005, 344-357
- Peskoller, Helga (a), Biwak. Zustände des Untätigseins. IN: Paragrana. Internationale Zeitschrift für Historische Anthropologie. Muße. Band 16 (2007), Heft 1, 113-125
- Peskoller, Helga (b) Erfahrung. in: Bilstein/Liebau/Zirfas 2007
- Peskoller, Helga (c), vermessen. in: Schuhmacher-Chilla 2007
- Peskoller, Helga (d), Wenn Berge Kulisse sind: Konkurrenz und Medien. in: Berg 2008. Alpenvereinsjahrbuch. München/Innsbruck/Bozen 2007 (in Druck)
- Plessner, Helmuth, Conditio Humana. Neske: Pfullingen 1964
- Pries, Christina (Hg.), Das Erhabene: zwischen Grenzerfahrung und Größenwahn. VCH – Acta Humaniora: Weinheim 1989
- Rathmayr, Bernhard, Die Erfindung des Menschen. Marginalien zu einer Erkenntnistheorie der Historischen Anthropologie. in: Dressel, Gert/Rathmayr, Bernhard (Hg.), Mensch – Gesellschaft – Wissenschaft. Versuche einer Reflexiven Anthropologie. Studia: Innsbruck 1999, 211-241 (Sozial- und Kulturwissenschaftliche Studientexte; 2)
- Schuhmacher-Chilla, Doris (Hg.), Maß und Maßlosigkeit in Kunst und Kultur der Gegenwart. Athena: Oberhausen 2007 (in Druck)
- Schulz, Walter, Metaphysik des Schwebens. Untersuchungen zur Geschichte der Ästhetitk. Neske: Pfullingen 1985
- Varela, Francesco J./Thompson, Evan/Rosch, Eleanor, Der Mittlere Weg der Erkenntnis – Der Brückenschlag zwischen wissenschaftlicher Theorie und menschlicher Erfahrung (engl.: The Embodied Mind), München 1996
- Weizsäcker, Victor von, Pathosophie. Vandenhoeck & Ruprecht: Göttingen 1956
- Welsch, Wolfgang, Das Ästhetische – Eine Schlüsselkategorie unserer Zeit? in: Die Aktualität des Ästhetischen. Hgg. von Wolfgang Welsch. Fink: München 1993, 13-47
- Wulf/Christoph/Macha, Hildegard/Liebau, Eckart (Hg.), Formen des Religiösen. Pädagogisch-anthropologische Annäherungen. Beltz: Weinheim/Basel 2004

поделиться

Copyright © 2011-2025 - Центр Медиафилософии
Дизайн сайта Катя Богачевская, графика Олеся Бершадская, дизайн страницы ЛИКИ Алина Латыпова
В оформлении использованы фотографии Е. Мохорева и Д. Провоторова